

ные отчёты о парламентских дебатах, материалы королевских комиссий, публикации органов исполнительной власти, материалы статистики, профсоюзные издания, сочинения, воспоминания, дневники деятелей международного рабочего движения. Рецензент выявил немало источников, впервые вводимых в научный оборот. Многие ранее известные научному сообществу источники получили принципиально новую трактовку со стороны Л.Н. Семёновой.

Из 433 использованных источников – 250, то есть 57,7%, на английском языке. Переводы с английского языка на русский выполнены на высоком уровне. Этот момент источниковой базы чрезвычайно важен для той части русскоязычного научного сообщества, которая не владеет этим языком и одновременно испытывает потребность в прочных знаниях о социальном реформизме в Канаде, Австралии, Новой Зеландии. Такое преваляирование англоязычных источников ещё более усиливает мнение рецензента насчёт достоверности выводов учёного из Минска.

Обширный источниковый базис использовался в органической увязке с принципами объективности, историзма, системности, ценностного подхода, со следующими методами: неoinституционализм, структурно-функциональный анализ, сравнительный метод.

Значимость настоящего труда прослеживается по многим позициям.

Во-первых, автор чётко обозначила важные проблемы, над которыми ещё предстоит работать научному сообществу.

Во-вторых, на базе данной книги вполне можно разработать одноименный спецкурс для студентов исторических факультетов высших учебных заведений, обновить содержание части лекций, читаемых профессорско-преподавательским корпусом для этой категории студентов; организовать подготовку ими докладов, рефератов и сообщений для семинарских занятий.

В-третьих, ряд выводов и оценок, содержащихся в книге, даёт основание для внесения корректив в разделы учебных пособий по новой истории, посвящённые британским доминионам.

В-четвёртых, работа Л.Н. Семёновой по самым высоким меркам подходит для нужд самообразования для лиц, вовлечённых в политику по совершенствованию современных норм трудового и аграрного права, социальных стандартов уровня жизни.

В-пятых, книга, несомненно, способствует обогащению представлений о социальных лидерах индустриальной цивилизации, без адекватного понимания которых не может обойтись ни один исследователь социальных процессов в новое время.

В-шестых, настоящий труд обязательно заинтересует практических работников, задействованных на канадском, австралийском, новозеландском направлениях внешней политики своих стран.

Список цитированных источников

1. Семенова, Л. Социальный реформизм в британских доминионах на рубеже XIX-XX вв. (Канада, Австралия, Новая Зеландия). – LAP Lambert Academic Publishing, 2012. – 419 с.

ГЛОБАЛИЗИРОВАННЫЙ МИР: ДИАЛОГ КУЛЬТУР ИЛИ СТОЛКНОВЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ?

А.И. Сытник

Луцкий национальный технический университет, г. Луцк, Украина

В современном философском и общественном дискурсе одним из наиболее устойчивых является тезис о том, что развитие национальных обществ будет проходить под знаком мультикультурализма.

Мультикультурализм, который формируется под влиянием глобальных информационно-коммуникационных потоков, миграционных процессов, возрастания численности населения планеты, модернизации экономики, усиления роли транснациональных компаний, выступает не столько одной из возможных альтернатив, сколько реальностью.

В условиях глобализации нормой жизни является взаимодействие разных цивилизаций, эклектическое соединение разных стилей и вкусов. Это может, с одной стороны, расширить культурные горизонты национального общества, усилить его дееспособность, а с другой – подорвать его жизненные силы, обусловить моральный упадок и деградацию.

Дальнейшая глобализация современного мира всё более обостряет проблему сохранения культурной специфики отдельных этнических сообществ, перспектив с национально-культурной идентичностью.

Противоречивость универсальных глобальных ценностей и требований на местах сохранить свою самобытность определяет содержание и направление социальных изменений в современном глобализованном мире. Это противоречие можно определить как столкновение идентичностей. Столкновение «давостской культуры» (международная бизнес-культура), культуры «мак-мира» с культурами национальных, локальных сообществ ведёт к возникновению разных дискурсов, подходов к трактованию национальной идентичности, изменений социального ландшафта современного мира. Глобализация вовсе не выступает только показателем интеграции и гармонии. Выявляются также признаки отличий, дискриминаций. Мир, сжатый к пределам одной экономической, финансовой, торговой, электронной системы, никогда не был таким разделенным в зависимости от силы, влияния, ресурсов.

Глобализация встаёт как сила, которая, кроме всего прочего, содействует сохранению и развитию местных отличий и разнообразия, то есть, возрастанию локальной гетерогенизации.

В этой ситуации правомерно вести разговор о появлении иной глобальной тенденции, которая по существу дела состоит в том, чтобы регионы, государства, нации стремились возродить или вернуть собственную историю, идентичность и традиции. Локальный ответ на глобальный вызов может приобретать разные формы: сопротивление и отрицание – это, конечно, не единственно возможные варианты.

В глобализованном мире каждый ищет свою идентичность, находя или не находя при этом общего языка с другими людьми. Следует отметить, что возможности осмысления «своего» и «чужого» в культуре связаны с характером культур, которые составляют национальный культурный мир. Собственно, национальная самодостаточность культуры есть основание идентичности. Именно в культуре концентрируется национальная энергия, не реализованная в практических сферах исторической деятельности.

Новый виток культурной дифференциации, присущий современной эпохе, является природной реакцией на угрозу «выравнивания» в период интенсивных межкультурных, межцивилизационных контактов. Он также связан и с необходимостью нового определения идентичности человека и национальной общности в глобализованном мире. Чем глубже становятся межкультурные контакты, тем разнообразнее переживает человек за свою идентичность.

В свою очередь чувство идентичности может быть причиной, которая даёт импульс новым культурным отличиям. Вклад разных культур в мировую цивилизацию определяется их творческим потенциалом взаимного диалога. Принятие новых форм – это момент саморазвития, поэтому даже традиционные культуры не свободны от заимствований, поскольку процессы глобализации создают качественно новую ситуацию, в которой развиваются культуры.

Рассматривая особенности национально-культурной идентификации в условиях глобализации, следует, прежде всего, признать, что в конце XX века произошло ряд количественных и качественных изменений касательно непосредственности и динамики культурных взаимодействий и коммуникаций, определяющие элементы которых:

1. В XX веке зафиксирована волна принципиально новых технических открытий в отраслях коммуникации, транспортирования, которые обусловили создание новых действующих глобальных инфраструктур. Эти изменения открыли путь к мощной серии каналов связи, которые беспрепятственно преодолевают государственные границы, повышают уровень коммуникаций.

2. Современная культурная глобализация отличается от предыдущих форм высшей интенсивностью практик, большими масштабами и скоростью распространения культур и культурного обмена. Такое возрастание плотности информации соединяется с появлением иностранных знаков, символов и артефактов в пределах национальных экономик и культур.

3. Новые коммуникационные технологии используются не только в предпринимательстве и коммерческих связях, но и в производстве, передаче и восприятии массовой культуры.

4. Изменяется стратификация культурной глобализации. Часто западные ценности подаются как «природные», «универсальные», «общечеловеческие».

Тенденцией современной культурной глобализации выступает определённое культурно-ментальное «усреднение», нивелирование национальных, языковых, религиозных и других индивидуальных особенностей – создание космополитического индивида. Следует отметить, что доминирующей сферой такого индивида выступает информационный простор.

Современные процессы глобализации и дифференциации культуры происходят одновременно. Глобализация, как бы проводит проверку на твёрдость тех культур, которые пренебрегают новыми технологиями и научным прогрессом или отбрасывают их. Именно для таких культур национальное государство служит единственно приемлемой формой выживания.

Следует отметить, что попытки сопротивления отдельных национальных культур проникновению глобальной культуры не могут изменить интеграционный вектор политики и создать условия для адаптации науки к изменению внешних условий.

Существует несколько теорий, которые описывают процесс межкультурного взаимодействия в условиях глобализации. Одна из них – теория столкновения цивилизаций С.Хантингтона, согласно которой глобализация не имеет следствием культурную гомогенизацию, не способствует взаимопониманию культур, а наоборот, может привести из-за неадекватного поведения к столкновению цивилизаций.

Другой концепцией межкультурного взаимодействия выступает теория гибридации Я.Питерса. Эта теория характеризует межкультурное взаимодействие в понятиях, близких к садовой деятельности: пересадка, привитие и т.д. Эти мягкие формы соединения черт разных культур создают новые типы идентичности.

Третья концепция – теория макдонализации Дж. Ритцера, который сумел увидеть в ресторане Макдональдс не просто форму «быстрого питания», а упрощённую систему рациональности, которая отвечает уровню адаптации и способствует примитивной рационализации этого уровня. По мнению Дж. Ритцера, глобализации проще поддаётся то, что отвечает упрощённым формам рациональности, прежде всего символический, а не предметный или субстанциональный аспекты.

Таким образом, в сфере культурной идентичности рассматриваются три возможных варианта развития идентичности: мягкое взаимодействие и изменение, столкновение, отрыв от традиционной идентичности при помощи схем упрощений рациональности.

Культурное разнообразие мира – необходимое условие нормального функционирования современной цивилизации. Поэтому попытки унификации культур, которые встречаются из-за упрощённого подхода в понимании процесса глобализации, как и противопоставление Востока и Запада, на цивилизованной основе не должны считаться продуктивными, поскольку такие интерпретации выходят из ошибочного тезиса – наличие в мире единственной истинной культурной традиции, что отвечает императивам глобализованного мира. Данная установка оставляет вне внимания тот основополагающий факт, что разнообразие и диалог культур – источник развития народов, тогда как попытка диктата или унификации всегда приводила к обострению напряжённости в мире на почве межкультурных, межэтнических, межрелигиозных противоречий.

Парадоксом современной цивилизации стал тот факт, что локальные отличия количеством стали более чёткими, чем ранее. Понятно, что в процессе глобализации действуют две взаимодополняемые тенденции. Первая – это формирование универсальных черт способа жизни людей, которые живут в разных странах (одежда, кухня, спорт, массовая культура и т.д.), и другая – одновременно с неизбежной цивилизацией происходит возрастание «культурного национализма»: чем более мы становимся подобными, тем более подчёркиваем своё отличие.

Человечество сегодня находится в такой ситуации, когда разные цивилизации должны научиться жить вместе в глобализованном мире, взаимно обогащаясь. Отсутствие диалога может привести к непониманию, конфликтам, столкновениям. Мировой порядок, построенный на диалоге, есть наиболее действенный способ предупреждения столкновения культур, цивилизаций.

Диалог возможен только между теми, кто может преодолеть узкий горизонт своей идентичности, подняться над ней, войти тем самым в более широкую коммуникационную систему отношений.

В этом контексте особое значение приобретают универсальные ценности, ориентиры, которые принимают все культуры и религии мира (толерантность, мир, гуманизм и т.д.). Универсальные ценности, которые признаются всеми культурами, религиями мира, могут стать основой глобального диалога. В этом смысле можно говорить об универсальной цивилизации диалога, которая должна существовать на основе признания разнообразия мира и соединять всё человечество.

Конечно, это очень сложно. Более того, реальность показывает, что современный мир наполнен множеством социальных катаклизмов. Но всё зависит непосредственно от людей, народов. Выбор идентичностей не должен привести к их «столкновению», а к признанию культурного разнообразия глобального мира, где люди, нации должны чувствовать себя частью не только своих локальных обществ, но и всего человечества. Форма взаимодействия глобального и локального – это скорее сосуществование, нежели столкновение. Учёт этого фактора крайне важен для понимания современных мировых порядков.

Современный мир через разнообразие направлен к единству. Сравнивая принципиально разные мировоззренческо-ценностные ориентации и способы мышления на Востоке и Западе, учёные утверждают: есть все основания констатировать, что путь к их взаимопониманию и «синтезу» хотя и тяжёлый, но далеко не безнадежный. Благодаря новой духовно-ценностной парадигме мировой цивилизации и должна фактически реализоваться сущность истории и предназначения человечества, а для каждой из этих традиций процесс взаимодействия обеспечит и их самореализация как коллективного планетарного субъекта.

«Идея большого синтеза» ни в коей мере не снимает проблемы поиска национальной идентичности, как и наоборот. Плодом «большого синтеза» может стать но-

вый образ мира и человека в современной глобализированной культуре. От ответов на эти вопросы зависит полнота процессов трансляции духовных ценностей, определение институциональной роли культуры в становлении идентичностей и человека в современной глобализированной культуре.

ТРИЕДИНСТВО И ФЕНОМЕН САМОУПРАВЛЕНИЯ

А.С. Харитонов

Российский государственный социальный университет, г. Москва, Россия

Человек – управленец, решает сам, когда есть выбор, что потреблять, что производить, как вести себя с другими людьми. Если он делает ошибки в управлении, ему плохо, он гибнет, уходит в Небытие. То же можно сказать об обществе, как социальном организме. При ошибочном социальном управлении народ вымирает, государство гибнет. Проблема управления ещё эллинами связана с необратимым взаимодействием Бытия и Небытия, рождением и смертью объектов природы, с познанием закономерностей становления организации Бытия. Различные подходы к решению этой проблемы можно найти в трудах Гераклита, Демокрита, Платона, Аристотеля.

Проблема управления поднята заново в тектологии /А. Богданов/, кибернетике /Н. Винер/ и теории систем /Л. фон Берталанфи/. Однако она осталась до сих пор без системообразующего фактора /П.К. Анохин/ или неразрешенной. Причина этого автору видится в том, что традиционное естествознание основано на законах движения материальных точек (классических, квантовых или релятивистских частиц) или атомах Демокрита. В этом случае материя (вещество) отделяется мысленно от причины её существования и изменения, так как атомы Демокрита – вечны. В качестве такой причины обязательно предполагается существование внешней «силы», которая задает величину, направленность движения и тип взаимодействия объектам материи. Такое упрощение привело к противоречиям с опытом описания сложных систем, состоящих из активных и смертных динамических элементов, так как не учитывает взаимодействие Бытия и Небытия.

Проблема Бытия и Небытия состоит не в том, есть они или нет, а в том, как они взаимодействуют между собой. У Демокрита Бытие – это материя и её атомы, а Небытие – это пустое пространство, вакуум, в котором движутся атомы. А у Платона целостность природы задается взаимодействием Бытия и Небытия, где все видимые объекты природы смертны и атомов, как вечных наименьших частиц с постоянными свойствами, существовать не может. Это совсем другое видение взаимодействия Бытия и Небытия. Соответственно взаимодействие Бытия и Небытия предполагает акты творения Бытия из Небытия и обратно и их включение или исключение из процесса становления организации Бытия – феномен самоуправления природы. Первый случай (атомы Демокрита и пустоты) хорошо изучен в современной науке, это гамильтоновы системы, состоящие из материальных точек, для которых выполняются теорема Лиувилля, эргодическая гипотеза и постулаты Больцмана-Гиббса. А второй случай, когда система состоит из активных и смертных динамических элементов, оказался до сих пор не исследованным, так как для него нужен иной аппарат математики, учитывающий иначе меру Небытия и взаимодействие с ним.

Автор предложил определить Небытие по-новому, как некоторое множество вероятностных событий, которые равны нулю или очень малы, так что можно учитывать взаимодействие Бытия и Небытия как результат изменения набора вероятностей разрешенных и запрещенных событий.